
РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Л.М. Закоян

Кафедра иностранных языков
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена изучению «речевой агрессии» в современной лингвистической науке.

К феномену агрессии человечество проявило интерес издревле, и в наше время она является предметом активнейших научно-практических изысканий. Но, несмотря на это, в данной области все еще остается много нерешенных проблем.

Изучение агрессивных состояний человека в различных сферах жизнедеятельности является одной из актуальных задач современной науки. Агрессия в коммуникации в последнее время стала объектом пристального внимания многих лингвистов. Однако в современной лингвистике понимание этого явления далеко не однозначно.

Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что связана с двумя направлениями исследования в современной прагмалингвистике: анализом функционирования постулата «вежливости» в различных культурах, а также теорией конфликтологии. Как разновидность вербальной агрессии, угроза противоречит кодексу коммуникативного поведения и приводит к возникновению конфликта.

В современной лингвистике наряду с словосочетанием *речевая агрессия* используются другие, такие, как языковая агрессия, вербальная агрессия, коммуникативная агрессия. Наряду с вышеуказанными словосочетаниями в современных лингвистических исследованиях также употребляются дискурсы ненависти, вражды, язык насилия, словесный экстремизм. Следует отметить, что термин «речевая агрессия» является наиболее приемлемым, так как вербальная агрессия — психологический термин.

В большинстве лингвистических работ речевая агрессия рассматривается как явление психолингвистическое, где психологическое понимание агрессии анализируется как речевое поведение и с лингвистикой связан только способ выражения. Для того чтобы лучше понять варьирование терминов «вербальной агрессии» в психологии и «речевой агрессии» в лингвистике, следует обратиться к словарным определениям данных словосочетаний.

Психологический словарь дает следующее объяснение: агрессия вербальная — форма поведения агрессивного, в которой используется отреагирование своих отрицательных эмоций как посредством следующих интонаций и других невербальных компонентов речи, так и посредством угрожающего содержания высказываний [7. С. 12—13].

В стилистическом словаре дается следующее определение: речевая агрессия — использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности, манеры речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство [7. С. 340].

С лингвopsихологических позиций речевую агрессию рассматривает К.Ф. Семенов, определяя ее как «целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызывать негативное эмоционально-психологическое состояние у объекта речевого воздействия» [6].

В социопсихологическом ракурсе вербальную агрессию как психологически оправданное действие рассматривает В.И. Жельвис [4].

Другие исследователи (Мактеева, Михальская, Енина) отмечают, что речевая агрессия может служить средством выплескивания эмоции и снятия эмоциональной напряженности.

Л.В. Енина дает следующее определение: речевая агрессия — это сфера речевого поведения, которая мотивирована агрессивным состоянием говорящего [3. С. 105].

Однако «агрессивное состояние» как некий психологический феномен находит свое отражение в выборе языковых и речевых средств в случае, если речевая агрессия выступает в эксплицитных формах. Имплицитные формы речевой агрессии, как правило, не экспонируют психофизическое состояние адресанта.

Социолингвистический аспект изучает речевую агрессию в связи с современной ситуацией в обществе. Поэтому речевая агрессия рассматривается как широкое лингвистическое явление [10].

В юридической лингвистике особое внимание уделяется рассмотрению понятия «оскорбление» как проявлению речевой агрессии [5].

При таком рассмотрении основным показателем речевой агрессии выступают стилистически маркированные языковые и речевые средства (экспрессивно-окрашенная лексика, инвектива, грубо-просторечные слова и словосочетания, избыточное употребление языковой лексики, использование жаргонных языковых единиц) с точки зрения этичности или неэтичности их употребления в том или ином дискурсе.

Вышеуказанные языковые средства рассматриваются как показатели речевой агрессии, т.е. такое рассмотрение предполагает функциональный подход к выбору языковых и речевых средств.

В своей диссертационной работе Т.А. Воронцова, рассматривая речевую агрессию с коммуникативно-прагматических позиций, исходит из того, что коммуникативные и когнитивные особенности ее бытия определяются дискурсивными показателями. В рамках данного исследования речевая агрессия рассматривается как тип речевого поведения, который может осуществляться в рамках любого дискурса независимо от его временных и национальных параметров [2. С. 31].

А.К. Михальская, анализируя речевую агрессию с позиции диалогического взаимодействия, отмечает, что «речевая агрессия — установка на антидиалог, поскольку данный тип речевого поведения основан на сознательной ориентации адресанта на субъектно-объектный тип отношений».

В современных лингвистических исследованиях широко представлены также другие разновидности речевого поведения, такие, как языковое насилие, коммуникативное давление.

Выражение агрессии в речевой коммуникации обязательно предполагает наличие объекта речевой агрессии, к которому направлено негативное отношение. Если объект негативного отношения представлен в коммуникации, т.е. является адресатом агрессивного высказывания, то его негативное отношение может быть выражено эксплицитно (например, инвектива) или имплицитно через нарушение коммуникативной этики, дискурсных конвенций, некооперативные формы речевого поведения и т.д.

В межличностном общении речевая агрессия проявляется как стремление к созданию коммуникативного дисбаланса.

В том случае, если объект негативного отношения не представлен в коммуникативной ситуации, он обязательно является референтом негативного высказывания, т.е. представлен в речи.

Таким образом, специфика проявления речевой агрессии как коммуникативного явления определяется именно объектом негативного отношения. В этом смысле термином «объект речевой агрессии» следует обозначать сам объект негативного отношения [2].

Итак, анализ имеющейся литературы по проблеме речевой агрессии позволяет утверждать, что на сегодняшний день в лингвистике отсутствует единое понимание термина «речевая агрессия».

В самом общем виде речевую агрессию можно определить как
а) грубое, оскорбительное, обидное обращение:

К сожалению, все эти спектакли, которые Виталий Петрович обычно разыгрывал перед своими близкими и приятелями, в первую очередь были нужны ему самому, чтобы хоть на мгновение заглушить в себе рвущийся из печенки истерический крик:

— Идиот! Кретин! Ничтожество!!!

Обычно все это кончалось небольшим сердечным приступом.

Потом все говорили:

— Это был обычный вульгарный спазм. Окажись под руками... [10. С. 142—143].

— Почему ты так говоришь, мамочка, — с обидой возражала Вера, — у ребенка, в конце концов, есть отец, и он будет принимать участие в его воспитании...

— Проку от него будет, как от козла молока. Можешь мне поверить, — припечатала Елизавета Ивановна [12. С. 24].

— Некий осел вообразил себя рысаком, принялся раздувать ноздри и стучать копытом о землю. (Так начал разговор преосвященный.) «Всех обгоню! — кричал. — Я самый быстрый, самый резвый!» И до того убедительно кричал, что все вокруг поверили и стали повторять: «Наш-то осел и не осел вовсе, а самый что ни на есть чистопородный аргамак. Надо его теперь на скачки выпускать, чтобы он все до единого призы завоевал». И не стало после этого ослу житья, потому что как где бега, сразу его под узду и скакать волокут. «Давай, мол, длинноухий, не выдавай». То-то славное ослу житье вышло [9. С. 23];

б) словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме:

— А ты куда на ночь собрался? — спросила родственница.

— Покудахтай у меня, курица ошипанная! Сказал, что делать? Так делай! А вопросы оставь при себе, заботница!

— Уж и спросить нельзя, как будто в прошлом веке живем аль у староверов каких. У других вон и телевизоры цветные, и магнитофоны, а тут, как в монастыре, — вдруг возмутилась обычно недовольная, но молчаливая Настя.

— Та-ак! Разговорилась, значит! Супротив деда голос подняла? А ну иди сюда, стервоза! Кому сказал?

Женщина поняла, что сболтнула лишнего, но слово не птица, как говорят...

— Ну ладно тебе, дед! Не хотела я так-то!

— Я.., тебе.., что сказал?

— Ну не надо! Прости, дуру, больше слова против не скажу, обещаю!

— Так, сука длинноперая, ты еще и глухая? Иди сюда, тварь! [11. С. 384];

оскорбление:

— Ты чего ржешь, как лошадь, дурак?

— А, урод, и ты здесь? — обратился к нему Астафьев.

— Сейчас ты сдохнешь, собака! — ответил качок.

— Ну-ну, разберемся с тобой отдельно. [11. С. 106];

— Ты разрушитель, ты дьявол! Ты все загрязняешь и оскверняешь самым своим дыханием! [9. С. 124];

предупреждение:

— Какие вопросы по процессу ухода из Верхотурска?

— Да все вроде ясно.

— Хорошо! Теперь последнее. И касается оно тебя, Серый. До меня дошли слухи, что ты с Ксюшей-путаной шуры-муры завел. Это правда?

— А че, нельзя? — вдруг окрысился Серов. — Мне, коль под дело подписался, и бабу иметь нельзя?

— Ну почему нельзя? Можно! Если только ты не посвящаешь ее в свои ближайшие планы. А это проверить невозможно, Серый!

— Ни о каких планах меж нас разговора не было!

— Точно?

— В натуре!

— Смотри, а то и дело спалишь, а значит, погубишь себя с дружкой и девку подставишь под нож острый! — жестко сказал Парфенов [11. С. 39—40];

угроза:

Дома Виталий Петрович прочитал этот текст и твердо решил воспротивиться жестокому мальчику.

— Черта с два я буду читать твой текст! — бормотал он в ярости. — Черта с два!..

Но для того, чтобы выполнить свою угрозу, нужно было по меньшей мере написать собственный текст. И Виталий Петрович впервые за долгое время сел за пишущую машинку [10. С. 153];

— Все запомнил, Ефимушка?
— Запомнил, Яков Петрович!
— Вот и добро! Дело задумано нешуточное, Ефим!
Ошибка, даже малейшая, пусть случайная — смерть! Запомни это.
— Запомнил! [11. С. 16];

грубое требование:

Отец разгневался, но не слишком. К этому времени появился у него долгожданный внук, и в глубине души «Лизкин взбрык» он воспринял как доказательство женской неполноценности и уверился, что напрасно сделал для старшей дочери исключение.

«Нет, оттого, что баба нехороша собой, мужиком она не становится», — решил он. Плюнул и велел ей возвращаться. Посobie прекратил. Но возвращаться Елизавета Ивановна не торопилась. Училась, работала. Как ни странно, работала по бухгалтерской части для небольшого банка. То, чему учили ее в Швейцарии, оказалось весьма полезным [13. С. 39];

обвинение:

— Суки! — взревел Джалиль. — Падлы, гяуры проклятые! Кто сдал всех? Твари! Где твой Хованский? Это его работа, пидора! Он всех сдавал и нас сдал, шакал! [11. С. 372];

— Спасибо, что позвонили, — сказал Шурик.

Слава взвилась:

— Пожалуйста! Кушай на здоровье! Неужели ты не понимаешь, что это на твоей совести! Вы все просто людоеды! Неужели тебе больше нечего сказать? Подонок! Ты настоящий подонок! Ты просто негодяй!

Шурик, выслушав все до конца, сказал:

— Ты права, Слава [12. С. 508];

насмешка:

— Позвольте, — растерянно сказал поэт, руководитель областных писателей. — Это прекрасная модная куртка...

— Я не знаю, что у вас там «модное», — презрительно прервал его каракуль. — Среди художников там или артистов, может, и модно ходить в таких, извините, штуках... Нравы, как говорится, в ваших кругах свободные... — И он вдруг рассмеялся. И Виталий Петрович понял, что рассмеялся он только для того, чтобы не расплескать весь свой гнев, все свое презрение, клокотавшее в его душе и раздиравшее его мозг. Гнев, ненависть и презрение к этим щелкоперам с их ничемными, смутными делишками, которым он вынужден предоставлять драгоценнейшее эфирное время на болтовню. Эх, его бы воля!..

Он смеялся, а у него от ненависти к Виталию Петровичу и его действительно потертой замшевой курточке подрагивали нижние веки и белели твердые складки у рта [10. С. 159—160];

— Да ну вас совсем, Кирилл Нифонтович, — махнула рукой Марья Афанасьевна, отсмеявшись. — Вы, матушка, его не слушайте, он у нас сторонник прогресса. На велосипеде по лугу ездит, коров пугает. И в гости к нему без предупреждения заявиться не вздумайте, он частенько на крыше голышом сидит — солнечные ванны принимает. Тьфу, срам! А видите, у него вокруг плечи щетина ежом? Это он

в начале лета всякий раз волоса начисто сбрасывает, у него, видите ли, макушка дышит. Имение недавно перезаложил, чтобы из Заволжска к себе домой телеграфный провод протянуть. А зачем, знаете? Чтоб с почтмейстером по телеграфу в шашки играть. И добро бы еще играл хорошо, а то все время проигрывает [9. С. 105].

Агрессивные намерения скрыто или косвенно выражаются и в жалобах:

— Ах, ты ничего не понимаешь. Здесь я сама не доживу. Это отца моего надо знать. Он деспот ужасный. Ни слова поперек не терпит. Вся область его боится. Даже ты. Вот он захотел, чтоб ты приехал, ты и приехал...

— Лен, ты что, с ума сошла? Я приехал, потому что ты попросила. Причем тут твой отец?

— А он рядом стоял и свой кулачище на столе держал... Вот я и попросила... [12. С. 231];

— А чего?

— Ни хрена, работаем!

доносах:

— Что же там было ужасного, на этой картинке?

— Я полагаю, на ней была та самая осинка, под которой зарыты головы. При этом сфотографированная наутро после двойного убийства. Осинка, уже обреченная, потому что ее корни были подрублены острой мотыгой, еще не успела засохнуть и выглядела как живая. А самое главное — к деревцу была прислонена сама мотыга, забытая убийцей. Или, может быть, лежала рядом в траве — не знаю. Кто-то из обитателей Дроздовки или постоянных гостей мог обратить внимание на эту странную деталь, сопоставить ее с непонятным увяданием деревца, припомнить и затоптанный газон, и смерть Закусяя — и сделать опасные для преступника выводы.

— Может быть, убийца вернулся за ней днем и отнес на место. А еще вероятнее, что это сделала Наина Георгиевна.

— Стало быть, Бубенцов убил Поджою и разгромил всю выставку из-за одной этой фотографии? [9. С. 327];

сплетнях:

— Да ну тебя, мама, — рассердилась неожиданно Вера. — Она же просто маленькая нахалка. Наверное, Бог знает из какой семьи...

И Вера испытала прилив ужасной неприязни к этой стриженной профурсетке... [12. С. 71].

Несмотря на различные подходы к проблеме речевой агрессии, которые существуют в современной лингвистической науке, многие аспекты нуждаются в дальнейшей разработке.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Воронцова Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход. — Челябинск, 2006.
- [2] Воронцова Т.А. О некоторых теоретических аспектах понятия «речевая агрессия» // Речевая агрессия в современной культуре. — Челябинск, 2005.

- [3] *Енина Л.В.* Речевая агрессия и речевая толерантность в средствах массовой информации // www.tolerance.ru
- [4] *Жельвис В.И.* «Поле Брани». Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. — М., 1997.
- [5] *Кусов Г.В.* «Оскорбление как лингвокультурный концепт» / Автореферат. — Волгоград, 2004.
- [6] *Седов К.Ф.* Речевая агрессия в современной коммуникации // Речевая агрессия в современной культуре. — Челябинск, 2005.
- [7] Словарь психолога-практика / Сост. Боловин С.Ю. — Мн., 2005.
- [8] Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. — М., 2003.
- [9] *Акунин Б.* Пелагия и белый бульдог. — М., 2005.
- [10] *Кунин В.В.* Это было недавно, это было давно... — М.: Транзиткнига, 2004.
- [11] *Тамонилов А.* Боевой расчет. — М.: ЭКСМО, 2006.
- [12] *Улицкая Л.* Сквозная линия. — М.: Эксмо, 2005.
- [13] *Улицкая Л.* Искренне ваш Шурик. — М.: ЭКСМО, 2006.

SPEECH AGGRESSION AS A SUBJECT OF LINGUISTIC SCIENTIFIC RESEARCH

L.M. Zakoyan

Faculty of foreign languages
The Russian university of friendship of people
Mikluho-Maklaja str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the study of «speech aggression» in modern linguistic science.